

Советы академика Аганбегяна

В то время, как кругом «пеняется» разговоры о нынешней экономике страны и каковой ей быть в будущем, а от перестрелки гипотез и антикризисных прожектов гудит в головах обыкновенных россиян, жизненно необходим ясный взгляд на происходящее. Каждый визит академика Абела Аганбегяна в Новосибирск дает такую возможность

А. Аганбегян

Почему нынешний кризис - один из наиболее серьезных в истории России, на чем должна быть выстроена антикризисная политика правительства и есть ли в стране деньги на инвестиции, Абел Гезевич рассказал на диспуте «Кризис — время поисков нового», прошедшем в середине февраля в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН.

Неотвратимо

Уже не только не первый год, но и не первый раз Россия живет в условиях экономического кризиса. После глубокого кризиса 2008-2009 годов наша страна довольно быстро оправилась, напомнил в начале своего выступления академик. За два-три года экономического подъема мы хорошо восстановились: преодолели падение ВВП почти на 8%, промышленности — на 11%, торговли — на 6%, строительства — на 16%, инвестиций — на 17%. По

некоторым показателям даже превзошли докризисный уровень: за три года на 70% вырос экспорт и импорт, на 13% поднялся ВВП, на 14% — промышленность, на 20% — инвестиции, на 10% — реальные доходы населения. Средние темпы экономического роста в эти три года (2010–2012) составляли 4% — втрое выше, чем в развитых странах в тот период.

«Мы могли гордиться нашими темпами и достижениями, — заявил Абел Гезевич, вспоминая былое. — Внутри страны сложились хорошие задельные показатели, на которые можно было рассчитывать в будущем. Впервые в «новой» России инфляция сократилась до 5,1% в 2012 году. Впервые и ключевая ставка Центробанка достигла самых низких значений — 7%: мы обладали относительно дешевыми кредитами, которыми прежде никогда не славились. Нашим предприятиям легко давались займы, потому что Россия — са

мая дисциплинированная страна, с 2000 года возвращающая свои долги вовремя и даже досрочно. В 2012 и 2013 годах наши предприятия и организации заняли по сто миллиардов долларов у иностранных заемщиков».

Мир в эти годы тоже постепенно выходил из кризиса, испытывая, тем не менее, определенные трудности. Наибольшие — страны Европы, где безработица зашкаливала за 10% от численности активного населения. Но уже к 2013 году им удалось переломить негативные тенденции. Начала расти и наша торговля, на рекордно высоком уровне держались цены на нефть, был устойчив рубль, с другими странами нас связывали вполне нормальные отношения: «На этом хорошем — внешнем и внутреннем — фоне мы с большой уверенностью смотрели вперед, думая об ежегодном росте хотя бы по 3%. И вот совершенно неожиданно, на пустом месте, с первого квартала 2012 года наши темпы стали катастрофически падать». Поквартальная динамика валового внутреннего продукта — тому подтверждение: после 4,7% прироста в первом квартале 2012 года ровно через год мы имели лишь 0,7%: «За год экономический рост страны снизился в семь раз! Причем каких-либо видимых причин не было — ни падения цен на нефть, ни девальвации рубля, ни санкций, ни негативных действий со стороны других стран и крупных катастроф. До середины 2013 года наше правительство надеялось на небольшую заминку, после которой все пойдет хорошо. И действительно: в четвертом квартале 2013 года ВВП поднялся до 2,1%, но уже в 2014 год мы перешли с отметкой 0,6%. Впервые за 15 лет стали снижаться реальные доходы, существенно снизились экспорт и импорт (на 9%), инвестиции (на 3%). С конца 2014 года ко всему этому присоединились санкции и снижение цен на нефть. Фактически мы перешли к рецессии: ВВП снизился на 3,7%, промышленность — на 3,4%, инвестиции — на 8,4%, экспорт в связи со снижением цен на нефть — на 30%, импорт — на 38%».

Как итог, 2015 год стал, по мнению академика, самым своеобразным в истории России, поскольку кризис в первую очередь перешел в социальную плоскость: «Впервые социальные показатели доходов и потребления упали втрое больше экономических: ВВП сократился на 3,7%, а конечное потребление домашних хозяйств — самый главный показатель текущего благосостояния людей — упал на 10,2%. Такого не было даже в 90-е годы. Розничный товароборот в реальном выражении снизился на 10%, реальная заработная плата — на 9,5%. Кроме того,

в России не было года, когда падал бы реальный размер пенсий. Несмотря на их индексацию на 11% в течение 2015 года, упал на 4%. Пенсии - худший из существующих в России доходов. В нашей стране они составляют 30% от уровня зар плат против 60-80% в развитых странах».

Причин столь сильного падения доходов и потребления, по академику, три. Первая связана с «необыкновенным чудом» 2015 года: номинальная заработная плата за год выросла на 4,6%, а прибыль — на 49%. Причем в отраслях, связанных с населением - розничной торговле, жилищно-коммунальном хозяйстве, общественном транспорте, пищевой промышленности — прибыль

увеличилась в три и более раза. Во всем мире зарплата и прибыль — главное соотношение. И профсоюзы смотрят, чтобы прибыль не росла быстрее зарплат — надо же делиться, но не у нас...

Кроме того, если потребление домашних хозяйств снизилось на 10%, то потребление государства (расходы на госаппарат, безопасность, армию и прочее) практически не изменилось. Еще один кризисный момент связан с небывалой инфляцией: в 2015 году она составила 15,5% против 5,1% в 2012-ом. Конечно, она сразу опустила вниз реальные доходы, констатировал ученый, добавив, что ни у кого нет реалистичных прогнозов относительно того, когда все это кончится: «Мы думали, что в 2016 году начнется небольшой экономический рост. Минэкономразвития предсказывало это до последнего, но вынуждено было согласиться с прогнозами международных организаций: 2016-й будет годом продолжения рецессии, с 2017-го мы перейдем к стагнации. Но будет ли именно так - никто не знает: люди потеряли ориентиры».

По мнению академика Аганбегяна, нынешнее состояние рукотворно. Впали мы в него «благодаря» ошибочной финансовой политике государства, в частности - свертыванию государственных инвестиций.

Так, в 2009 году инвестиции упали на 17%, что повлекло за собой резкое сокращение темпов роста. И в 2013 году правительство вместо того, чтобы увеличить инвестиции по государственной линии и тем самым компенсировать за счет экономической активности спад, уменьшило их на 8%. Выросшие в 2013 году частные инвестиции не смогли перекрыть падение государственных инвестиций: «В России особенно велика роль инвестиций: если они падают, ни о каком экономическом росте говорить, к сожалению, не приходится. Наравне с инвестициями одним из

главных факторов экономического роста выступает, как известно, лучшее использование действующих фондов. Однако 22% всех машин и оборудования России работают свыше сроков износа: в нашей стране это 14 лет, что в два раза выше показателя передовых западных стран». Коэффициент обновления фондов резко снизился: в год он составляет 0,7%. Как итог: степень износа в объеме 33% еще десять лет назад сегодня приблизилась к 50%.

Выход из ситуации не менее ясен: стране необходим переход к политике форсированных инвестиций и вложений в человеческий капитал

потому за стагнацией начался отток капитала. За последние восемь лет из страны ушло 650 миллиардов долларов - начиная с 2008 года. А что значит ушло? Не осталось денег на экономический рост».

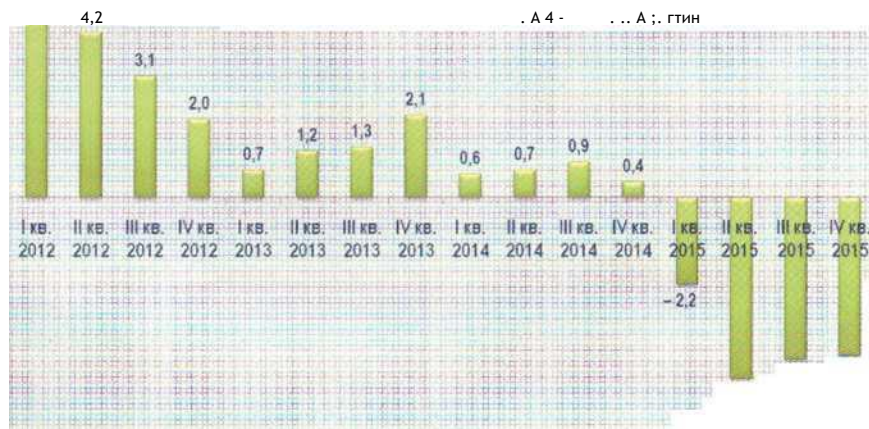
Дальше - больше: введение санкций закрыло России доступ на мировой финансовый рынок. Однако долги остались. Более того, в результате того, что правительство и Центробанк не препятствовали в 2012 и 2013 годах займам бизнеса в размере ста миллиардов долларов, наши долги достигли довольно большой величины - 730 миллиардов долларов. И в 2014 году мы были вынуждены их отдавать. В 2015 году мы выплатили 65 миллиардов долларов внешнего долга. Нынешний долг сократился до 521,6 миллиарда долларов, в котором на долю банков приходится почти 140 миллиардов, другие предприятия и организации — 340 миллиардов долларов, органы государственного управления - около 30 миллиардов.

К повестке финансового дна прибавилось резкое сокращение экспортной выручки из-за падения цен на нефть, санкции и девальвация рубля... Все эти факторы сплели весьма затейливый узел кризиса, развязать который малой кровью вряд ли удастся. Протезировать сценарии проживания в 2016 году в условиях такой турбулентности и переплетения факторов академик назвал делом неблагодарным. Однако прогнозы есть. Так, в базовом «видении» Минэкономразвития в 2016 году цена на нефть составит 40 долларов за баррель, инфляция продержится на уровне 9,3%, среднегодовой курс составит 68,2 рубля за доллар.

Вместо прогнозов экономист задался вопросом: есть ли в мировой истории аналог нынешнему положению России? Есть: стагфляция в США 70-х годов, из которой страна искала выход на протяжении десяти лет. Из трех президентов, чья деятельность пришлось на этот период, как известно, решить вопрос удалось лишь Рональду Рейгану, советники которого разработали принципиально новую программу действий, новую экономическую политику, вошедшую в историю под названием «рейганомика». В чем заключалась ее суть? Во-первых, Рейган резко сократил подоходный налог, в особенности богатых, призвав полученные ими деньги вложить в производство и создав для того очень благоприятные условия. Во-вторых, он в два раза сократил сроки амортизации: стало выгодно просто выкидывать оборудование, которое физически еще могло работать, но морально устарело, поскольку появилось более производительное. Таким образом, ставка была сделана на инновации и технологическое обновление, которое не замедлило начаться. США, вложив огромные деньги в экономику знаний, 25 лет процветали на рейганомике, столкнувшись с серьезным кризисом только в 2007 году. «Эта аналогия

Прирост валового внутреннего продукта России по кварталам 2012-2015 гг.

(ВВП в % к соответствующему периоду прошлого года)

не означает, что мы должны сделать все то, что было сделано в США. Это другая страна и мощь. Но смысл совершенно ясен: продолжение старой политики ни к чему хорошему не ведет», - заключил эксперт.

И добавил, что выход из ситуации не менее ясен: стране необходим переход к политике форсированных инвестиций и вложений в человеческий капитал. «Физические инвестиции в основные фонды - машины, оборудование, строительство - дадут эффект, если эти новые технологии будут реализовывать квалифицированные кадры - без них экономического роста нет, - убежден Абел Гезевич. — Кроме того, появляется все больше отраслей и сфер, требующих инвестиций конкретно в человека. Так, сейчас очень быстро растет сфера информационных услуг. Сегодня объемы экспорта информационных услуг, в основном — в виде офшорного программирования, составляют шесть миллиардов долларов в год против 3,2 миллиарда долларов три года назад. Мы стали конкурентоспособными: в настоящий момент нас - самая низкая себестоимость производства математических программ. В этой сфере не нужны никакие инвестиции, кроме инвестиций в человека. И сейчас все ощутимее фактором экономического роста становятся именно знания и умения».

Закономерен вопрос: есть ли источники для этих инвестиций? «К счастью, да, - однозначен ответ Аганбегяна. - Самый большой «денежный мешок» в народном хозяйстве сегодня — активы банков, составляющие 78 триллионов рублей. На инвестиции из них идет лишь 1,1 триллиона рублей - меньше 1,5%, тогда как, увеличив этот процент до четырех, можно получить общее увеличение инвестиций в России на 10%. Можно «добыть» деньги и за счет приватизации госимущества, ускоренной амортизации, освобождения от налога на прибыль от инвестиций для стимулирования предприятий».

Еще один вариант инвестиционного пополнения академик видит в выпуске облигационного займа средств для развития жилищного строительства и автомобильной промышленности. В настоящий момент сбережения россиян оцениваются в 30 триллионов рублей: 25 триллионов хранятся официально на счетах, еще пять - в «кубышках» и 700 миллиардов долларов - за рубежом. Использование даже небольших объемов этих сбережений может сыграть значительную роль для развития целого ряда отраслей, убежден экономист.

Следующий инвестиционный прицел можно сделать на золотовалютные резервы, кои составляют сегодня 368 миллиардов долларов. Академик считает жизнеспособным вариант взаимобразного извлечения из этого фонда порядка 200 миллиардов долларов на наиболее эффективные инвестиции со сроком окупаемости пять-семь лет: к примеру, технологическое обновление.

Довольно весомая доля потенциальных *нишевых*, информационных и биотехнологий,

Приток и отток капитала из России в 2006-2015 гг.

инвестиционных источников, представленная экспертом, может заработать лишь при соблюдении ряда условий. Так, по мнению эксперта, их привлечение даст эффект лишь при снижении инфляции до 4% в год и ключевой ставки, а потому: «Нужна трехлетняя президентская программа, а не поручения Центральному банку снизить инфляцию - он не способен сделать это самостоятельно. Это дело правительства и госкорпораций, но при наличии очень жесткой президентской программы. Необходимо ввести мощные экономические стимулы для экономического роста. Равно как и провести институциональные преобразования, структурные реформы для устранения препятствий, с разных сторон мешающих экономическому росту».

Как всегда, свою идею Абел Гезевич подкрепил конкретными расчетами: объем инвестиций 2015 года в основной капитал в России составил 14 триллионов рублей, в ВВП - 80,4 триллиона рублей. При столь низкой норме инвестиций показать развитие выше 2% попросту невозможно. Для осязательного - в 4-6% - развития доля инвестиций должна - при условии их эффективного использования - достигать 30-35%. Если мы начнем ежегодно наращивать по десять инвестиционных процентов, к 2018-2020 годам можем выйти на темпы роста порядка 3% в год, к 30-м годам — к 5-6%.

«Но главное — это все же качество роста: куда идут эти инвестиции, - подчеркнул академик Аганбегян. — Речь должна идти о технологическом обновлении действующего производства, развитии высокотехнологических отраслей, создании современной инфраструктуры - массовом строительстве автострад, скоростных железных дорог и логистических центров. Главным локомотивом социального экономического показателя является «экономика знаний» - НИОКР, образова

здравоохранение. Их ежегодное развитие в пределах 9-10% способно обеспечить экономический рост порядка 2% с учетом мультипликативного эффекта».

В настоящий момент сравнение показателей «экономики знаний» в странах G-7 и России - не в пользу последней. Доля валового продукта, создаваемого «экономикой знаний» в нашей стране, составляет лишь 15%, тогда как в Европе она достигает 35%, в США - 40%. В отдельных отраслях показатели не лучше: на науку в нашем ВВП приходится 1%, в США - 2,5%, на российское образование - менее 5%, американское - 8%, здравоохранение и биотехнологии у нас - менее 5% против 10% «у них».

Таким образом, куда нам двигаться — очевидно, а вот как - на государственном уровне - судя по всему, пока все же невероятно. «Но в кризис надо выживать», - крепко Аганбегян, определивший в конце своего выступления поистине бесценные советы для бизнеса:

• Сохранить денежный поток, реализуя агрессивную маркетинговую политику: «Не надо сокращать маркетинговые службы, нужно внимательно посмотреть: сколько заказов на дополнительную продукцию обеспечивает занятый продажей человек, и, исходя из этого, увеличивать масштабы сбыта».

• Быть очень осторожным с долгами, всегда ожидая, что завтра может быть хуже, чем сегодня.

• Главная ниша в кризис — экспорт: «Любой ценой, к примеру, за счет резкого снижения цен, постараться, чтобы часть продукции шла на экспорт».

• Самое главное в кризис — не потерять квалифицированные кадры: «Нужно очень бережно относиться к людям. Не уменьшайте «всем» зарплату на 10%: с вами останутся самые ленивые работники, а хорошие, скорее всего, уйдут».